

УДК 82.0, 82.1

ФЕНОМЕН ДАГЕСТАНСКОГО РЕНЕССАНСА В НАУЧНОЙ КОНЦЕПЦИИ АКАДЕМИКА Г.Г. ГАМЗАТОВА

Е. З. Тарланов

Институт языка, литературы и искусства им. Гамзата Цадасы ДНЦ РАН

В статье анализируются теоретические взгляды академика Г. Г. Гамзатова. Конкретным предметом рассмотрения является феномен ренессанса, предложенный им применительно к объяснению истории дагестанской литературы. В связи с этим обосновывается типология представлений о ренессансе в классической (европейской) традиции и в традициях восточных культур. Определяется место дагестанского ренессанса в этой типологии.

The article covers theoretical views of academician G.G. Gamzatov. The idea of Renaissance phenomenon suggested by him presents some means of interpretation of the history of Daghestan literature and appears as the key subject under consideration. In this context some common typological treats of renaissance idea can be discovered both in European and Oriental traditions. The place of the Daghestan renaissance in such a typological structure has also been defined.

Ключевые слова: Г.Г. Гамзатов; дагестанская литература; типология; ренессанс; Запад и Восток; типологические закономерности.

Keywords: Gadzhi Gamzatov; Daghestan literature; typology; Renaissance; East and West; typological principles of development.

Одной из важнейших идей и результатов научного наследия Г.Г. Гамзатова является феномен дагестанского ренессанса, последовательно разрабатываемый им с середины 80-х годов XX в., см. напр. [1].

Хотя некоторые аспекты этой темы захватывают более ранние (середина 70-х годов) и более поздние этапы его ученой деятельности, отмеченные, в частности, и отдельной монографией «Дагестанский феномен возрождения» [2], все же впервые наиболее полно, системно и разносторонне названная тема исследована им в его итоговой, как он сам считал, работе 1996 г. Поэтому она и будет для автора предлагаемой статьи основным источником при освещении ренессансных решений Г.Г. Гамзатова касательно истории дагестанской литературы, которых исследователи его научного творчества, как правило, либо не затрагивают, либо затрагивают редко [3, 4].

По замыслу, исполнению и форме изложения вышедшая в 1996 г. монография Г.Г. Гамзатова «Национальная культура в калейдоскопе памяти» [5] представляет читателю масштабное исследование столь же по истории литературы Дагестана как таковой, сколь и в целом по истории дагестанского литературоведения вообще. Характерной особенностью итоговой книги Г.Г. Гамзатова явился необычайно широкий контекст историко-эстетических обобщений, неразрывно вписанный в единую философско-методологическую картину литературного процесса Дагестана, куда органично входит и сегмент книги, связанный с литературными событиями в Дагестане советской поры. История литературы Страны гор представляется воображению читателя на широчайшем фоне реалий и событий Запада и Востока на протяжении едва ли не десяти веков, и притом в виде, свободном от несколько догматической стилистики десятилетий советской эры.

Книга Г.Г. Гамзатова подвергает существенному пересмотру некоторые занявшие важное место в истории литератур Дагестана стереотипы, в числе которых и стандартные представления о младописьменности литературных традиций региона и непреодолимом культурном герметизме, начисто исключавшем интеллектуальный динамизм восприятия мира искусством слова и затворившем национальные культурные традиции в средневековой монотонности, отрешенной от течения истории. «Концепция, сводящаяся... к отрицанию наличия у народов Дагестана до революции художественной литературы как таковой, традиций литературного мышления, национальной формы художественности, – полагает Г.Г. Гамзатов, – никак не согласуется с реальной картиной литературной жизни края в рассматриваемый период»

---

[6], ибо исследования 60–70-х годов по этому вопросу не ставили задачи типологического анализа художественного прошлого и его сравнительно-исторического осмысления.

Вопрос о границах самого понятия «ренессанс» в условиях науки об искусстве слова конца XX – начала XXI в. ныне выявляется в абсолютно естественном и резонном виде, представляя собой одну из важнейших проблем сравнительного литературоведения и теории литературы в целом. Объективные данные последних лет свидетельствуют о том, что сам этот термин в наши дни имеет три значения.

Классическое представление о Ренессансе, напомним, неотъемлемо от точно очерченного географического и историко-культурного региона – Западной Европы и точных хронологических координат, связанных с Античностью и возвращением интереса к ее ценностям в период с XIII по XVI в. Европейское Возрождение отчетливо и осознанно противопоставило церковной ортодоксии и догме изображение земной человеческой личности во всем богатстве ее интеллектуальной и эмоциональной жизни, реализующей собственное право на земное счастье, – и подтверждение этого образа универсального человека – *l'uomo universale* Данте, Боккаччо, Шекспир, Сервантес и Камюэнс искали в духовном наследии греко-римской цивилизации. Именно так смотрела на предмет наука XIX столетия.

Двадцатый век и его научная парадигма поставили проблему восточного Ренессанса, не нашедшую своего однозначного решения до сих пор. Вводя это понятие в научный обиход, крупнейший специалист по культуре Японии академик Н.И. Конрад имел в виду яркое разнообразие тенденций секуляризации художественного сознания и объекта искусства слова, возникших в азиатских литературах в разные хронологические отрезки времени. Импульс к подобного рода обобщениям дала, в первую очередь, ситуация в японской, дальневосточной, культуре, где интерес к жизни отдельной личности, стоящей вне высших сфер феодальной иерархии, органично санкционировался конфуцианской традицией с ее рационалистическим акцентом на соотношение личности и власти, личности и правовых влияний истории, который накладывал ограничения на буддийский пизетизм. Хронологически такие изменения в культуре Японии начали происходить с XVII–XVIII вв. (эпоха Гэнроку) и закончились в 1868 г. революцией Мэйдзи.

В ближневосточной, исламской, культуре четкая рационалистическая очерченность представления о месте личности в мире была приглушена, а потому секулярные тенденции наслаждения земной радостью, направлявшиеся против религиозного ханжества, воплощались в поэтической практике Саади, Хайяма и Хафиза, что делало персидскую классику XI–XIV вв. более близкой и понятной европейскому читателю по кругу изображавшихся настроений, но при отсутствии, как правило, атеистических мотивов.

Уже это поверхностное сопоставление показывает резкие различия между названными культурно-историческими регионами интеллектуальной карты мира, почему некоторые авторитетные исследователи наших дней предпочитают говорить скорее о восточном гуманизме, чем о восточном ренессансе.

Третье значение понятия «ренессанс» имеет не столько общепринятое литературное, сколько скорее общественно-историческое значение, относясь применительно, например, к Индии, к событиям ее истории первой, и в особенности, второй половины XIX в., когда литературный процесс наиболее развитых и открытых регионов страны вошел в интенсивный контакт с английской умственной традицией, наследием английского Просвещения, под влиянием которой литературы на индийских языках стали стремительно освобождаться от монополии религиозной доктрины индуизма. Здесь следует назвать великого индийского гуманиста и религиозного реформатора Рам Мохана Роя, поэта и публициста, писавшего на английском языке, Генри Луи Вивьена Дерозио, деятельность семьи Тагоров и пр. Результатом этого контакта явился феномен новоиндийских литератур.

Основное содержание истории литературы и культуры Дагестана, встающей перед умственным взором читателя монографии Г.Г. Гамзатова, состоит в недвусмысленно ясном признании эволюции форм искусства слова и художественного освоения действительности, которая воплощалась в постепенной секуляризации литературного творчества. Подобного рода процессы начинались еще в XVIII в. вместе с выделением национальных литератур Дагестана из арабоязычной ойкумены, однако совершенно иную, качественно новую эстетическую значимость она получила в ве-

ке XIX, когда интеллектуальная жизнь региона стала, с одной стороны, эмансипироваться от монополии религиозно-ортодоксальных авторитетов, а с другой, – постепенного, но верного вхождения дагестанского общества в орбиту русской жизни, пребывавшей на неизмеримо более сложной, в сравнении с ближневосточным средневековьем, стадии. «И в самом крушении юридиказма, – пишет Г.Г. Гамзатов о ситуации середины XIX в., – отягощенного, несмотря на возлагавшуюся на него освободительную миссию, грузом средневекового консерватизма, сказалось одно из крупнейших завоеваний возрожденческой энергии века... Духовная трагедия, вызванная крушением освободительных иллюзий, обернулась пробуждением в горце неизмеримо обогащенной гражданской личности, глубокой переоценкой им многих считавшихся незыблемыми ценностей, в том числе и религиозных... Поражение юридиказма, приведшее к кризису феодально-исламской идеологии, и окончательное присоединение к России... означали для судеб народов Дагестана исторический рубеж, за которым последовало начало Нового времени... На смену прежним, слабым и случайным контактам опосредованного типа теперь пришли непосредственные, устойчивые, плодотворные связи с Россией, Европой, Западом» [7]. Развивая мысль, он замечает далее: «Такая культурно-историческая переориентация существенно меняет границы, состав и содержание типологической общности, в которую включен Дагестан, а также характерологические черты и сущностные тенденции собственно дагестанской зональной системы» [8].

Если говорить о центральном компоненте концепции Г.Г. Гамзатова, освещающей историю культуры многонационального региона в целом, то им является понятие дагестанского Возрождения как эпохи, хронологически совпадающей с XX в. Предпосылками этого процесса, как указывает автор, были процессы распада арабской литературной общности на данной территории в веке XVIII, совмещенные с удачными опытами приспособления к нуждам и строю языков Дагестана и арабской графики, равно как и выход на сцену интеллектуальной жизни края XVIII столетия ряда фигур – Мухаммеда из Кудутля, Дамадана из Мегеба, Гасана из Кудали, Магомедом из Убра, Дауда из Усиша, Ибрагимом из Орада, Дибиркади из Хунзаха, Магомедом Яраги, Мухаммеда Тахира ал-Карахи и др., чья деятельность при традиционно-теологическом характере их образования все же намного выходила за пределы собственно богословских занятий. «В лице почти каждого из деятелей вышеназванного ряда, – сообщает Г.Г. Гамзатов, – Дагестан имел крупного ученого и поэта, философа и правоведа, филолога и мыслителя» [9]. Перечисленные персоналии, к числу которых нужно прибавить и Гасана Алкадари, крупного историка Дагестана, перерастая ограничения теологической профессии, несли в себе и отчетливые просветительски-светские тенденции, обращаясь в деятелей мусульманской культуры.

Отметим, что для объяснения особенностей формирования дагестанской культуры Г.Г. Гамзатовым используется тонкая аналогия, почерпнутая им из истории культуры и литературы Албании. Как показывают данные исследований А.В. Десницкой, приводимые Г.Г. Гамзатовым, литература Албании на родном языке, зародившись в XVIII в., очень длительное время пребывала в иноязычном, турецком, языковом окружении, впитывала многообразные восточные влияния, питалась богатыми фольклорными традициями, имея наддиалектную основу и арабскую графическую систему, в одно и то же время отчетливо противостояла турецким традициям. Завершение же формирования албанского литературного языка сделало возможным расцвет его литературной активности во второй половине XIX – начале XX в., которая составила албанское национальное возрождение [10], так называемое Рилиндье [11].

Перечисленные черты литературного процесса одного из сегментов балканского региона под пером Г.Г. Гамзатова обнаруживают естественное типологическое сходство с ситуацией в дагестанской литературе, для описания которой и возникает необходимость в понятии дагестанского возрождения XIX – начала XX в.

Представление о дагестанском возрождении вводится Г.Г. Гамзатовым в научный оборот с тем, чтобы подчеркнуть эволюцию художественных приоритетов литературной традиции региона, основанную на медленном, но неуклонном уходе в небытие религиозно-мора-листической односторонности в умственной жизни. Показательно, что в таком ракурсе данная проблема закономерно обретает и философско-культурологическое наполнение, в значительной мере корректирующее сугубо

европоцентрическое представление о мировой культуре. «Арабский Восток для Дагестана, – отмечает он, – больше Запад, чем классический Восток. Арабы первыми приняли Античность у Европы, культуру древних греков и римлян, арабы сохранили ее для потомков и вернули Европе» [12]. И еще один существенный момент: «Если до XIX в. Дагестан шел к Европе через посредство Ближнего Востока, то начиная с этого рубежа тот же курс его движения прошел через Россию» [13].

Представление о дагестанском культурном ренессансе, развиваемое Г.Г. Гамзатовым, естественно исходит из более общих идей ренессанса в восточных культурах, сформулированных в свое время акад. Н.И. Конрадом. В основе взглядов Н.И. Конрада лежит убеждение в том, что исторически более молодые народы предполагают возможность своеобразного «замещения» культурного опыта соответствующими сегментами культурной традиции иных народов с более развитой культурной историей. В приложении же к дагестанским условиям, по мнению Г.Г. Гамзатова, эта роль исполнялась арабоязычным пластом сочинений дагестанских авторов. Удаляясь от ортодоксальных мотивов, дагестанская поэзия XIX в. применяет художественные решения, схожие с акцентами классической персидской поэзии, в которых И.С. Брагинский обнаружил чуждость «специфики Средневековья в типологическом смысле этого слова», «окрашенность ее в философские тона» [14].

Таким образом, в понятие дагестанского ренессанса Г.Г. Гамзатовым включаются те разнохарактерные и достаточно, в некоторых отношениях, светские тенденции, которые шаг за шагом эмансипируют литературную и умственную атмосферу региона от единовластия религиозной догмы, притом эта эмансипация – в силу замедленности эволюционных тенденций восточного типа – завершает средневековую стадию существования литературных традиций к началу XIX в. (вспомним, что, например, последний великий поэт японского средневековья Исса Кобаяси умер в 1827 г. христианского летоисчисления (родился в 1763 г.), а окончательное торжество Нового времени в той же японской литературе наступает в 1868 г.).

Еще одним непосредственным источником изучения дагестанского региона, как нам кажется, явилась ситуация, сформировавшаяся в литературах Индии начала XIX в. и основанная на прямых контактах литераторов некоторых регионов субконтинента (в первую очередь Бенгалии и Махараштры) с философией английского Просвещения, идеями Бэкона, Гоббса, Локка и Бентама. Результатом этих контактов стал резкий рывок в модификации индийского общества, основанной на распространении религиозного свободомыслия. Это синтез европейских идей и индийских форм, переосмысленных в их духе, и создавал интеллектуальную атмосферу, называемую современными индийскими исследователями «Индийским ренессансом» [15].

Уподобления подобного рода, используемые в построениях Г.Г. Гамзатова, плавно придают культурной ситуации Дагестана второй половины XIX столетия широкий общевосточковедческий контекст и историко-культурную перспективу. Этот контекст и эта перспектива позволяют читателю видеть определенное типологическое сходство между результатами поражения восстания сипаев в Индии 1854–1857 гг., с одной стороны, и, с другой, – поражения мюридизма в 1859 г., заключающееся в формировании в обоих географических регионах важных элементов системы светского образования (в 1857 г. английская администрация открыла в Бомбее, Мадрасе и Калькутте университеты, куда принимались индийцы).

Вводимая Г.Г. Гамзатовым терминология, таким образом, позволяет составить адекватное действительности представление о динамизме культурной атмосферы Дагестана, по крайней мере, к началу XX в., базирующееся на ясных исторических координатах. В той же мере понятие дагестанского ренессанса, воплощенное в деятельности Махмуда из Кахаб-Росо и Омарла Батырая, осознаваемое как явление историко-культурного порядка, становится необходимой стадией в объяснении закономерностей общедагестанского литературного процесса в применении к условиям XIX в., основанным на конвенциях светской литературы.

В целом же предложенное Г.Г. Гамзатовым понятие явилось удачной попыткой придать литературным процессам Дагестана соответствующего периода (XIX в.) историко-типологи-чески выверенный общевосточный и общемировой культурный

контекст и наполнить данную проблему реальным востоковедческим научным содержанием.

Примечательно и то, что последняя работа Г.Г. Гамзатова «О художественном синкретизме и ренессансной ситуации в литературном прошлом Дагестана» [16] посвящена той же теме, и это является свидетельством того, насколько важной он считал ее в своем научном творчестве. В этой статье, являющейся итоговой, в развернуто тезисной форме (в девяти развернутых тезисах), в сущности, кратко излагается вся суть ренессанса в истории дагестанской литературы.

В прояснении и осознании места научного наследия Г.Г. Гамзатова в спектре исканий гуманитарного знания современной России существенны и аналитические суждения, в которых дается оценка этому наследию. В этом смысле безусловный интерес представляет уже упоминавшийся небольшой по объему отзыв К.Г. Ханмурзаева под названием «Книга о дагестанском Возрождении», в котором концепция, выдвинутая Г.Г. Гамзатовым, рассматривается на обширном литературном и историко-эстетическом фоне.

То, что само представление об этом фоне принципиально нераздельно с дискуссионным пафосом монографии Г.Г. Гамзатова, К.Г. Ханмурзаев тонко иллюстрирует примерами названий, данных в свое время своим исследованиям известными востоковедами А. Мецем «Мусульманский Ренессанс» и Ш. Нуцубидзе «Руставели и восточный Ренессанс», замечая далее, что пафос этот опирается на осознание интеграции дагестанской культуры в мировой литературный процесс, ее вовлеченности в глобальные закономерности развития цивилизации» [17].

Аналогия между эстетикой итальянского Возрождения, с одной стороны, и художественной практикой дагестанских классиков XIX столетия – Батырая, Махмуда, Казака и Эмина – с другой, прочерчиваемая Г.Г. Гамзатовым и сочувственно поддерживаемая К.Г. Ханмурзаевым, сейчас, по прошествии времени, требует, однако, более развернутого комментария. Особенно этот комментарий необходим при упоминаниях о «сладостном стиле» и «избранницах сердца», присутствующих в двух разных культурах, столь далеко отстоящих друг от друга даже по географическому признаку, оставляя в стороне конфессиональные приоритеты католической культурной традиции.

Именно этими, католическими, приоритетами формируется и лирический сюжет, и художественное решение в целом, лежащие в основе, например, канцоны Петрарки – классического выразителя идей итальянского Возрождения, вышедшего из школы *dolce stil nuovo* (нового сладостного стиля), озаглавленной по первой строке – «*Vergina bel, che di sol vestita*», известной в русском переводе Владимира Соловьева как «Хвалы и моления Пресвятой Деве». Неотрывность мысли Петрарки от западнохристианской традиции закреплена, прежде всего, в постоянных этикетных атрибутах – *vergine santa d'ogni gratia piena* (пресвятая дева, исполненная всякой благодати), *di questo tempestoso mare stella* (путевая звезда в бурном море), и мощь религиозного чувства поглощает в своей интеллектуализированности частную трагедию лирического героя, смерть возлюбленной, совершенно закономерно» [18].

В видимой интеллектуализации средств художественного видения (не случайно Данте говорит об *intelletto de amore*) как типологически общей эстетической черте тенденций искусства слова в двух принципиально отличных друг от друга культурно-конфессиональных регионах и кроется возможность существования самого понятия дагестанского Ренессанса, притом пример с канцонной Петрарки здесь кажется тем более показательным и уместным, чем это может представиться вначале. Следует, однако, иметь в виду, что некоторый бесспорный интеллектуальный компонент восприятия культурной традиции, явившийся в творческой практике начала XX в. у Махмуда, по культурно-философской наполненности несравним с, так скажем, итальянским оригиналом, но при этом говорит о выходе художественной ассоциации аварского поэта за рамки конфессиональной, на этот раз исламской, предопределенности (поэма «Мариам»).

Много позднее, уже в рамках конвенций литературы советской эпохи, такой выход в аварской литературе осуществится уже Расулом Гамзатовым в художественном замысле его знаменитых «Журавлей», основанных на дальневосточном, далеком по происхождению, смысле образа журавля как вестника мира не столько смерти и небытия, сколько поэзии духовного существования личности в людской памяти.

Высказанное нами не отменяет глубины и актуальности теоретического вопроса, поставленного К.Г. Ханмурзаевым, – «в чем причина бытования в одно и то же время в литературах Дагестана разнородных явлений – Романтизма, реализма, Просвещения, Ренессанса» [19].

Формулировка этой причины выходит далеко за частные границы дагестанской литературы, адресуясь уже к проблематике интеллектуальной жизни азиатского региона в целом.

ЛИТЕРАТУРА

1. См., напр.: Гамзатов Г.Г. Преодоление. Становление. Обновление. Махачкала, 1986. С. 366–367.
2. Гамзатов Г.Г. Дагестанский феномен Возрождения. Махачкала, 2000. В особенности с. 82 и далее.
3. Кельбеханов Р.М. Творческий метод в понимании Г.Г. Гамзатова // В мире поисков академика Г.Г. Гамзатова. Принципы. Концепции. Масштабы. Махачкала, 2002. С. 60–62.
4. Ханмурзаев К.Г. Дагестанский историко-культурный феномен в контексте восточных и западных цивилизаций в трудах Г.Г. Гамзатова // В мире поисков академика Г.Г. Гамзатова. С. 69–70.
5. Гамзатов Г.Г. Национальная художественная культура в калейдоскопе памяти. М.: Наследие, 1996. 651 с.
6. Там же. С. 19.
7. Там же. С. 36–37.
8. Там же.
9. Там же. С. 83.
10. Там же. С. 64. Ссылка: Вопросы формирования и развития национальных языков // Тр. Ин-та языкознания. Т. 10. М.: Изд-во АН СССР, 1960. С. 226.
11. Эйнтрей Г.Г. Албанская литература // История всемирной литературы: в 9 т. Т. 8. М.: Наука, 1994. С. 508.
12. Гамзатов Г.Г. Национальная художественная культура в калейдоскопе памяти. С. 105.
13. Там же.
14. Там же. С. 121–125. Ссылка: Брагинский И.С. Проблемы востоковедения. М.: Наука, 1974. С. 209–210.
15. История всемирной литературы: в 8 т. Т. 6. М.: Наука, 1989. С. 644–645.
16. Гамзатов Г.Г. О художественном синкретизме и ренессансной ситуации в литературном прошлом Дагестана // Дагестан и Северный Кавказ в культурно-историческом измерении: материалы Междунар. науч. конф., приуроченной к 85-летию акад. Г.Г. Гамзатова. Махачкала, 2012. С. 449–455.
17. Ханмурзаев К.Г. Книга о дагестанском Возрождении // Академик Г.Г. Гамзатов. Личность в науке и в жизни. К 75-летию со дня рождения. Махачкала, 2001. С. 128.
18. Итальянская поэзия XIII–XIX вв. в русских переводах: сб. / сост. Р. Дубровкина. М.: Радуга, 1985. С. 82–84.
19. Ханмурзаев К.Г. Книга о дагестанском Возрождении // Академик Г.Г. Гамзатов. Личность в науке и в жизни. С. 129.

Поступила в редакцию 02.12.2012 г.
Принята к печати 21.03.2013 г.